

и ленинский октябрь —
 до выполненной клятвы.
 Уходят вдаль людских голов бугры:
 я уменьшаюсь там. Меня уж не заметят.
 Но в книгах ласковых и в играх детворы
 воскресну я сказать, как солнце светит.
 Правдивей правды нет, чем искренность бойца.
 Для чести и любви, для воздуха и стали
 есть имя славное для сильных губ чтеца.
 Его мы слышали, и мы его застали.

1937

В. М. МОЛОТОВ

«Не будь такого, как Сталин...»

<Фрагменты книги Ф. И. Чуева «140 бесед с Молотовым»>

«КАВКАЗСКИЙ ЛЕНИН»

— О Сталине я узнал в 1910 году по письму Сурина, эсера-провокатора, в революцию его убили. Мы с ним жили в комнатах рядом в ссылке, в Соль-Вычегодске, в Вологодской губернии. Я читал свою литературу, он — свою. Я уехал в Вологду сдавать экзамены за реальное училище. В Вологде я пробыл примерно год до окончания ссылки. И вот тогда мне пишет из Соль-Вычегодска тот, с которым я жил, Сурин, видный эсер из рабочих: «Сюда, в Соль-Вычегодск приехал Сталин — это «кавказский Ленин». «Кавказский Ленин»! Тогда он уже имел такую славу. В 1910 году он был уже Сталиным. Брошюра есть его «Марксизм и национальный вопрос», там он — Сталин.

— Кто его так назвал, многие интересуются?

— Никто — он сам себя так назвал. И я сам себя назвал Молотов. И Ленин. Берешь себе кличку, меняешь кличку. Сталин — индустриальная фамилия. Видимо, по тем же причинам, что и я. Большевик.

04.12.1972

— А как Сталин поднялся так высоко?

— Слава богу, его история, вся история его жизни, революции, гражданской войны... Заслужил, конечно.

На VI съезде партии он замещал Ленина, делал политический доклад в начале августа, по-моему, 1917 года, до Октябрьской революции. По поручению ЦК, но ясно, что по указанию Ленина, конечно. Сталин был докладчиком на съезде, который принял решение о вооруженном восстании.

А чем выдвинулся? Пожалуйста. У него была очень хорошая книга по национальному вопросу... Первый номер «Правды» он редактировал. Там у него была заметка, потом несколько статей.

24.08.1971

— В своей жизни я дважды назвал Сталина гениальным: один раз в каком-то приветствии, которое не я писал, там была групповая подпись. Сталин рассердился и велел вычеркнуть: «Ты как сюда попал?» — «Попал, как полагается». — «Неужели ты тоже плетешься за всеми?»

Второй раз на его похоронах.

Гениальным я его не считаю, а считаю великим человеком. На 70-летию назвал великим. К гениальности он приближался в тактике. В теории и стратегии был слабее. Я только Ленина считаю гениальным в нашей партии. Сталин говорил: «Молотов еще сдерживается, Маленков, а другие — эсеры прямо: Сталин, Сталин! Это ведь эсеры так говорят!»

— Говорил так?

— Безусловно, говорил.

— А почему не сделал? Захотел бы...

— Конечно, он не вполне хотел этого, чтоб так уж. Целиком нельзя было прикрыть. Это могло бы иметь в то время отрицательные последствия. Сталину не всегда это нравилось, но в конце немножко и понравилось.

03.02.1972, 16.06.1977

...Рассказываю Молотову о том, как в ЦК КПСС мне сказали, что Ленин не выдвигал Сталина на пост Генсека: Каменев выдвинул, а Ленин дал согласие. Товарищ, который со мной беседовал, сказал, что избрание Сталина на этот пост — загадка, великая тайна, которую знает только один человек, но он никому не расскажет. Этот человек — Молотов.

— Ну, ну. Я-то хорошо знаю: это Ленин его выдвинул, — не задумываясь подтверждает Молотов.

ВСЕ ПИСАЛ САМ

— Сталин античный мир и мифологию знал очень хорошо. Эта сторона у него очень сильная. Он над собой много работал... Политика? Он всю жизнь политикой занимался... Тихо немножко говорил, но если есть акустика... Не любил быстро. Рассудительно и вместе с тем довольно художественно.

Иногда неправильно делал ударения, но редко.

15.08.1972

— Сталин хорошо владел русским?

— Да. Он хорошо выступал, — отвечает Молотов, — много читал, очень много, чутье имел художественное.

Сталин все писал сам. Аппарат никогда ему не писал. Это ленинская традиция. Зиновьев сам писал, Каменев — сам. О Троцком и говорить нечего.

— Молотов сам писал, — добавляю я.

— Он через все это прошел, и его учить в этом отношении не приходится, — соглашается Молотов. — ...Мне иногда снится, что завтра мне делать доклад, а я не готов.

Тогда все сами писали.

28.07.1971, 17.08.1971, 16.06.1977

— Я слышал утверждение, что «Краткий курс истории ВКП(б)» писал Ярославский...

— Не могло этого быть. Но написано не Сталиным. Он и не говорил, что он это написал. Он только одну главу свою нам читал — философскую...

16.10.1980

«ЕГО Я ЗНАЮ ХОРОШО»

— К технике у Сталина было огромное чутье. Он никогда не занимался техникой специально, не изучал совершенно, по крайней мере. Я у него никогда ни одной технической книги не видел, но он разбирался в сообщениях, и то, что получал от конструкторов и заводов, внимательно читал, сопоставлял, тут же находил слабые места и выход из положения.

У Сталина были, конечно, перегибы... Но у него было чутье к новому. И у него были хорошие отношения с конструкторами: с Ильюшиным, Яковлевым... В экономике, я бы не сказал, что он чутье проявил. В военном деле — да. Ко мне тоже хорошо относились военные, министры авиации, флота. Только Хрущев испытывал неприязнь...

У Сталина была поразительная работоспособность... Я это точно знаю. То, что ему нужно было, он досконально знал и следил. Это совершенно правильно. И смотрел не в одну сторону, а во все стороны. Это политически важно было, скажем, авиация — так авиация... (Я спросил выдающегося авиаконструктора А. С. Яковлева, разбирался ли Сталин в авиации, ответ был: «О-о-о!». — Ф. Ч.) Пушки — так пушки, танки — так танки, положение в Сибири — так положение в Сибири, политика Англии — так политика Англии, одним словом, то, что руководитель не должен был выпускать из своего поля зрения.

А с другой стороны, стоит вспомнить постановления Совета Министров и ЦК. В Совете Министров их принимали очень много, в неделю иногда до сотни. Эти все постановления Поскребышев в большом пакете направлял на дачу на подпись. И пакеты, нераспечатанные, лежали на даче месяцами. А выходили все за подписью Сталина. Громадная куча, которая просто не распаковывалась. Когда мы обсуждали, он расспрашивал, что вы там сегодня делали, какие были вопросы, ну, мы обедали, обсуждали, разговаривали, а поспорить — спорили, делились между собой и с ним. Естественно, вопросы выяснялись, если они были неясными, но читать ему все эти бумаги, конечно, было бессмысленно. Потому что он просто стал бы бюрократом. Он был не в состоянии все это прочитать. А ведь и хозяйственные, военные, политические, культурные, черт его там какие не обсуждают... Все это исходило от имени Совета, а он — Председатель Совета Министров. Все выходило за его подписью, ну а все эти пакеты валялись в углу нераспакованными. Приходишь на дачу (смеется), и месяц назад они валялись, а теперь еще новая куча. Ленин говорил — это опубликовано, а когда говорил, когда было в десять раз меньше; так вот он говорил, что приходится подписывать постановления, которые не успеваешь прочитать. «Я не все читаю, что подписываю. Доверие должно быть к коллективу».

Сталин спросит: «Важный вопрос?» — «Важный». Он тогда лезет до запятой. А так, конечно, принять постановление о том, сколько кому дать на одно, на другое, на третье, — все это знать невозможно. Но централизация нужна. Значит, тут на доверии к его заместителям, а то и наркомам, членам ЦК.

23.11.1971, 08.03.1974,
14.01.1975, 01.08.1984

— Сталин очень талантливый, очень инициативный. И лучше его никого не было. А мы были молокососы. Я старой революционной школы, своим умом пришел к большевизму. Вот он на меня опирался в значительной мере. Я сам все изучал, на себе нес то, что мне полагалось, я иначе не мыслю дело. Я был подготовлен, но настолько загружен делами! А работаю я немного медленнее. А почему медленно? Потому что у меня, видимо, недостаточно подготовки для всех этих вопросов в глубоком порядке, потому что, когда я начну работать, мне надо много времени думать по-настоящему. Больших глупостей я не допущу, но время уходит. И все ясно, а надо дальше, дальше, дальше.

Вот теперь у меня время есть. Я копаюсь с утра весь день. И вижу тут кой-какие вещи, которые еще при нас, к сожалению, начались.

— Вы говорили, что между вами и Сталиным огромное расстояние, целая лестница.

— Конечно.

— Он ведь старше вас на десять лет...

— Не только старше. Его роль другая была. У Сталина великая роль, необычная. Он руководил, он был вождем. Сначала боролся со своим культом, а потом понравилось немножко...

Нельзя меня равнять со Сталиным. Ни один человек после Ленина, ни только я, ни Калинин, ни Дзержинский и прочие, не сделали и десятой доли того, что Сталин. Это факт. Я критикую в некоторых вопросах Сталина, довольно крупных, теоретического характера, а как политический деятель он выполнил такую роль, которую никто не мог взвалить на свои плечи.

— Но и всем членам Политбюро до вас далеко было! — восклицает Шота Иванович.

— Возможно, это и так, но все равно вести себя надо правильно, без зазнайства.

Конечно, Сталин не один работал. Вокруг Сталина была довольно крепкая группа. Другой бы все развалил. Много было, конечно, хороших людей, но вершиной выделялся один Сталин. Подошел по характеру — очень крепкий характер, определенность, ясность, то, чего большинству не хватало. Были очень хорошие люди, большие работники, но ясности им не хватало. Дзержинский был наиболее известный. Казалось, без сучка и задоринки. Но даже Дзержинский в эпоху Брестского мира голосовал против Ленина, когда Ленин был в очень трудном положении. Правда, он назвал договор похабным, но без него мы не устоим. Дзержинский недооценивал положение. Ленин выступал в 1921 году по вопросам профсоюзной дискуссии. Дзержинский не поддержал Ленина. Ленин в январе 1921 года выступил в «Правде» со статьей «Кризис партии». Ни больше ни меньше! Если уж в партии кризис... Ленин писал: дело дошло до того, что мы потеряли доверие у крестьян, а без крестьянства страна не может выиграть. Ленин ставил вопрос ребром. Даже в это время Дзержинский, при всех его хороших, замечательных качествах — я его лично знал очень хорошо, и Сталин его знал, его иногда немножко слащаво рисуют, и все-таки он, при всей своей верности партии, при всей своей страстности, не совсем понимал политику партии.

У Сталина таких колебаний не было.

09.07.1971, 08.03.1975, 04.11.1979

— Чем больше нападают на него, тем выше он поднимается, Сталин. Идет борьба. Огромное в Сталине не видят, — говорит Молотов. — Более последовательного, более талантливого, более великого человека, чем Сталин, после Ленина не было и нет! Никто лучше после смерти Ленина не разобрался в ситуации. Я всегда был такого мнения и всегда так говорил. Но так однобоко говорить о нем, как говорил Киров, я считаю, неправильно: «Ни одного вопроса у нас нет, автором которого был бы не Сталин». И про Ленина так нельзя сказать. Свою роль Сталин выполнил — исключительно важную. Очень трудную.

Ну, допустим, он ошибался, но назовите такого, который меньше ошибался. Есть исторические события, люди участвовали, кто занимал более правильную позицию? Он единствен-

ный справился с теми задачами, какие стояли тогда, при всех недостатках, которые были у тогдашнего руководства

Я считаю, в том замечательном, что сделал Сталин, не разобрались, а в том неправильном, что у него есть, — на это напирают. Они хотят не того, чтобы ошибки Сталина исправить, а при помощи этих ошибок испортить всю линию партии.

А я, несмотря на ошибки Сталина, признаю его великим человеком, незаменимым! В свое время не было ему другого равного человека!

Сталин, вероятно, знал мое критическое мнение, правда я в такой откровенной форме ему это не говорил, но высказывал кое-какие критические вещи, не всегда ему нравилось. А все-таки более близкого я не знаю, кто к Сталину был. Хрущев? Или Маленков?

03.02.1972, 12.12.1972, 17.07.1975,
16.06.1977, 22.07.1981

— Маршал Василевский говорит, что не встречал человека с такой памятью, как у Сталина.

— Память исключительная.

11.03.1976

— Чего только не придумают! Наши противники очень мечтали о том, что вторая мировая война нам окажется не по силам, мы обязательно провалимся, коммунизм перестанет существовать, а оказалось не так. Мы укрепили свои позиции, создали социалистический лагерь, и в этом огромная заслуга Сталина, — говорит Молотов.

— Некоторые писатели сейчас считают так. Россия — такая страна, которая все равно существовала бы и не ходила бы под немцами. И что это за победа — 35 миллионов потеряли! Разве победили мы?

— Это как раз такие люди говорят, из-за которых нам трудно достаются победы. Живут предрассудками. А забыли, что Русь 300 лет была под татаро-монгольским игом? И не будь такого, как Сталин... Это говорят люди малосоображающие. С чужих слов.

— И еще: Молотов ничего другого тебе не скажет, он вынужден защищать свою неверную точку зрения. И вообще из него ничего вытянуть невозможно.

— Я не считаю, что все, что мы сделали при Сталине, было правильно. Но основное — это наша гордость. Если б мы получили поражение, победы долго пришлось бы ждать.

Выдержал наш строй, партия, народы наши, и прежде всего русский народ, который Сталин называл наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. И в этом не было проявления великодержавного шовинизма, а была историческая правда. Кто-кто, а Сталин разбирался в национальном вопросе. И правильно назвал русский народ той решающей силой, которая сломала хребет фашизму. Сталин, как никто, понимал великое историческое предназначение и тяжелую миссию русского народа. То, о чем писал Достоевский, — что ко всемирному, всечеловеческому объединению народов сердце русское может быть более других предназначено...

— Маршал Голованов мне говорил, что не встречал человека, который бы больше болел за русский народ, чем Сталин.

— Будет Россия, будет и Советский Союз, и всем будет хорошо. Не зря Сталин занялся вопросами языкознания. Он считал, что, когда победит мировая коммунистическая система, а он все дела к этому вел, — главным языком на земном шаре, языком межнационального общения, станет язык Пушкина и Ленина... Исторические книги приходится читать?

— Читаю «Историю Государства Российского» Карамзина, дореволюционное издание. К сожалению, сейчас не переиздают.

— Это, конечно, интересно. Но, если будешь знать историю только по Карамзину, плохо. Нужны разные точки зрения. А Карамзин любит одно свое — православное.

— Да, но православие все-таки положительно послужило России.

— Безусловно. Мне пришлось в МИДе выступать по этому вопросу, перед своими, по поводу то ли статьи, то ли басни Демьяна Бедного — там у автора такое мнение, что славяне как бы сдуру бросились в Днепр принимать православие. Пришлось внутренне охладить его, что это вовсе не сдуру было сделано, а это был шаг в сторону Запада, шаг с нашей стороны в сторону людей, которые нам были наиболее нужны, чтоб не наделать ошибок в отношениях с нашими соседями. Это для России было полезное дело, и незачем нам показывать свою глупость. Не всем среди чистых большевиков, коммунистов это было понят-

но. Это был не только духовный, но и политический шаг в интересах развития нашей страны и нашего народа...

К Владимиру Мономаху ходили многие — евреи, христиане и прочие. Это по тому не подходило, это по другому... Магометанство не подходит, потому что «веселие Руси есть питие» — вот откуда пошло. А православие допускает и благолепие большое, значит, украшение.

В общем, конечно, это было не так фактически, а было желание быть поближе к Западу, к культуре, чем к мусульманам на Востоке. И вот повернули на Запад — там культура была выше, казалось, это единственное, что может поднять нас, — именно поворот на Запад.

Надо сказать, и Сталин не был воинственным безбожником. Конечно, прежде всего он был революционером и продолжал линию Ленина против поповщины, — говорит Молотов.

— Мне наши полководцы рассказывали, что Сталин перед сражением, напутствуя, обычно говорил: «Ну, дай бог!», или «Ну, помоги господь!» А писатель Владимир Солоухин, служивший во время войны в Кремле, рассказывал: «Выходит на крыльцо Иосиф Виссарионович. По левую руку — патриарх Алексей, по правую...» — «Наверно, Молотов?» — спросил я. «Митрополит Крутицкий и Коломенский, — не моргнув, ответил Владимир Алексеевич. — А что ты смеешься? Он попов уважал. Сказывалось семинарское образование...»

— Ну, это он чересчур, — улыбается Молотов. — Правда, церковные песни мы иногда пели. После обеда. Бывало, и белогвардейские пели. У Сталина был приятный голос...

Много сложностей прожито. Но теперь мы стоим на твердой почве. Некоторые глупости допускают наши историки и те, которые с ними под одной крышей сидят. Основное мы выдержали, и победа наша крепкая.

Но придется, конечно, еще не раз испытать трудные времена.

15.08.1972, 11.03.1983, 04.10.1985

ЗАСЛУГИ И ОШИБКИ

— Сталин снится?

— Не часто, но иногда снится. И какие-то совершенно необычные условия. В каком-то разрушенном городе... Никак не

могу выйти... Потом встречаюсь с ним. Одним словом, какие-то странные сны, очень запутанные.

17.07.1975, 30.06.1976

— Сталин был не только прекрасным популяризатором Ленина, нет, он внес кое-что новое в теорию, безусловно.

Во-первых, нельзя забывать о том, что еще до революции Ленин хвалил его за работу по национальному вопросу, назвал его «чудный грузин». Я помню то, что было напечатано в берлинском белогвардейском журнале, они говорили: «чудный грузин». Книжку Сталина я читал в свое время, прекрасная книжка. Она, конечно, исключительную роль сыграла в разъяснении марксистской теории по национальному вопросу, имеющему колоссальное значение.

Из более позднего периода, я считаю, его большая заслуга в коллективизации. Какая роль? Теоретически очень важная. В том, что Ленин не учел и не мог учесть, а именно, только Сталин, даже в отличие от Ленина, сказал: «Наш путь — через колхозы, через артели». У Ленина этого нет. У него товарищества по совместной обработке земли, артели, коммуны. Но больше о коммунах.

Сталин очень хорошо рассказывал, как он был в Грузии в начале коллективизации, еще Серго был в Закавказском крайкоме. Где-то в конце 20-х годов. А может быть, и в середине 20-х, тут уж я могу ошибиться, не помню.

Серго повел Сталина в коммуны: «Пойдем, я тебе покажу, как у нас налажено дело». — «Пошли».

Сталин довольно хитро и очень добродушно потом рассказывал: «Он был в восторге от того, что у него есть хорошая коммуна, действительно была хорошая, крепкая. Пришли туда и рассказали нам отдельные коммунары, как у них дела, как улучшается жизнь и прочее. Потом Серго мне говорит: «Ты подробно не расспрашивай, потому что что-нибудь такое найдешь. Если начать копать, коммуна может развалиться». — «Как же может развалиться хорошая такая коммуна?» — «Нет, не вмешивайся», — он меня просил очень. Я посмотрел, действительно, председатель — очень крепкий мужик, умный человек, с большим, сильным характером. Дисциплина у него, и он держит всех в своих руках. Чувствуется, если немножко подорвать его власть, коммуна пойдет по частям».

И вот, — продолжает Молотов, — я не могу повторить, Сталин очень хорошо, прямо художественно констатировал, как Серго дрожал за этого председателя из-за коммуны, как они не хотели, чтоб Сталин расспрашивал. Действительно, все держалось на этом человеке, хорошем организаторе, крепком, преданном товарище. У Сталина это был, по-моему, один из таких важных случаев, где он сам посмотрел, что такое коммуна. В него это, видимо, очень глубоко запало, и он дал установку, и все это поддержали, что нам сейчас нужны артели, личная заинтересованность и механизация. Принцип личной заинтересованности и, конечно, только на базе крупной техники, только при наличии крепкой государственной власти, которая может помочь.

Коммуны начались в Сибири, преимущественно в период начала коллективизации, во второй половине 20-х годов. Во многих крупных сельскохозяйственных районах секретари партийных организаций были настроены, что главное для нас — коммуны. Тогда был нажим на коммуны.

Рыков думал, что мы провалимся. Ведь коммуны были в Сибири и в некоторых крупных сельскохозяйственных районах. Там были хорошие руководители, крепкие большевики, они старались коммуны поддержать.

Я был в одной коммуне в Курской области в 1924 году, там у них общие шубы на одной вешалке — они по очереди носили.

— А на Западе поднимали вой по этому поводу.

— Черт с ним, с этим Западом. Вот Сталин вовремя ухватился за мысль, что надо взять курс на артели и через артели постепенно двигаться дальше. Я даже до сих пор, а в последнее время особенно, думаю об этом, потому что я тоже в коллективизации принимал очень активное участие. Мы из-за голода старались сплотить бедняков и маломощных середняков и думали, что без коммуны трудно было обойтись. Потом Сталин крепко взял курс в начале 30-х годов на колхозы и, конечно, во что бы то ни стало — механизация, механизация, — это было правильно...

А Ленин говорил: «Создавать товарищества по совместной обработке земли, коммуны». Такая была общая теоретическая подготовка. Посмотрите сочинения Ленина, он говорит об объединении крестьян, он говорит о коммунах, которые бы приносили пользу соседним крестьянам и чтоб они уверовали в коммуны.

— Рыков на этом стоял. Он думал, что вы на коллективизации провалитесь.

— Это да. Но у них была еще бухаринская точка зрения. Она основана якобы на последних ленинских статьях о кооперации. Но там не коммуны, не артели, а там потребительская кооперация! У Ленина потребительская, так называемая снабженческо-закупочная. Это был очень большой шаг вперед для нашей работы и для марксизма, потому что Ленин не в этом видел цель, а он видел цель — с этого начать, а Бухарин пошел по тому пути, что все — через торговлю, через потребительскую кооперацию. Сталин прав, потому что Ленин дал самые общие начала кооперации, как надо начать, что это наиболее ясный, простой и доступный для крестьянина путь. Действительно, так было. Мы ведь десять лет шли на потребительской кооперации и на снабженческой. В вопросе коллективизации этот вопрос колоссальной трудности и важности, ни у кого никакого опыта, мы с мужиком не так крепко были связаны, всегда коммунисты были к рабочим ближе, а с крестьянами эсеры копались, эсеры считали, это их дело. Сталин все-таки хорошо сориентировался по этому вопросу. И хорошо провел.

— Именно в этом Сталина и обвиняют: Ленин бы более демократично провел...

— Дело-то в том, что у Ленина установка на коммуны более жесткая, да, более жесткая.

А в его статье «О кооперации», 1923 год, он уже о коммунах ни слова, об артели ни слова, а о торговой кооперации — вот что надо. Конечно, без этого нельзя. Ленин-то на первой стадии, пока нет мировой революции... Бухаринцы на этом ограничивались, а Ленин только на первой стадии, это начало. Ленин не отказывался и от коммун, он в этом отношении не пошел дальше, а Сталин пошел вперед, и пошел смело по пути артелей. Ленин решал вопрос на первом этапе — через потребительскую и снабженческую кооперацию, торговую кооперацию. Торгуют с одной стороны потребительскими товарами, с другой — машинами: и продают крестьянскую продукцию городу, а машины получают для крестьян из города. В коммуне все объединилось. У Сталина в докладе было сказано: наша задача — сделать каждого крестьянина зажиточным, с социалистической точки зрения. У каждой семьи

должна быть корова, свиней, коз разрешили, но в определенном количестве.

Дальше, заслуга Сталина — индустриализация. Это уже 1924–1925 годы. В чем? У Сталина хорошо поставлен вопрос: индустриализация на свои средства, своими собственными силами, на займы иностранные нам нельзя надеяться. Курс на индустриализацию, но как его проводить? В конце 20-х — самом начале 30-х годов у него основной лозунг был такой: главное — это техника, техника решает все. А потом, когда уже оказалось, что техника есть, — кадры решают все. Вторая задача. Это этапы индустриализации.

На первой стадии техника решает, потом кадры решают. Нам не на что надеяться, давайте мы своими силами, и внушал веру: вера очень многого стоила. Но каким путем? Индустриализация во что бы то ни стало. На первом месте — тяжелая промышленность, ограничить себя в потребительской области.

Киров рассказывал: он был где-то в Саратовской губернии, сидел на колхозном собрании, выступает женщина: «Ну что нам привезли трактор, он пярдит, пярдит, а что из него толку?»

Сталин правильно сказал, что мы отстали от Западной Европы на 50–100 лет, и если мы не покончим с этим за 5–10 лет, мы погибнем.

Вот национальный вопрос, индустриализация, коллективизация. Война.

04.11.1976

— Я считаю, что Ленин был прав во всех своих оценках Сталина. И я об этом сказал на Политбюро сразу после смерти Ленина. Я думаю, Сталин запомнил, потому что после смерти Ленина, когда собрались у Зиновьева в Кремле человек пять, в том числе Сталин и я, и что-то около завещания начали, я сказал, что считаю все оценки Ленина правильными. Сталину, конечно, это не понравилось. Но несмотря на это, мы с ним очень хорошо жили многие годы. Я думаю, он меня за это и ценил, что я ему прямо говорил некоторые вещи, которые другие не говорят, а хитрят, а он видит, что я попроще подхожу к этому делу.

Хотя у меня со Сталиным были самые хорошие отношения, но я и тут не пошел против Ленина, а считал нужным поддерживать завещание, чтобы Сталин это почувствовал. Он никог-

да мне об этом не говорил. Это завещание Ленина, конечно, в основном в пользу Сталина — на фоне всех оценок он там самый положительный. Но Сталин тогда был очень недоволен, мне кажется, этой характеристикой. Очень недоволен. Ленин там выделил двух человек — Сталина и Троцкого. Я сейчас не могу припомнить, какая там была характеристика Троцкого, но у Ленина было много характеристик Троцкого за весь период предыдущий и все отрицательные, и, конечно, Ленин это учитывал. Он хотел предупредить, что это очень опасный враг, поэтому рядом поставил двух — Сталина и Троцкого, — вот, выбирайте. А насчет Сталина у него было меньше открытых характеристик, но только положительные, а к концу он дал и отрицательные некоторые стороны.

Насчет грубости Сталин, конечно, выделялся, очень резкий человек. Но, если б не было этой резкости, не знаю, насколько это бы хорошо сказалось. Я думаю, нужна была резкость, иначе было бы больше качающихся, нетвердых, а Сталин своей определенностью, резкостью, даже грубостью кой-кого, конечно, отталкивал. Он ясно, твердо, без колебаний определял основную линию, и, конечно, это было для партии в то время очень важно. Сложный был человек. Критику Ленина учел. Безусловно, учел. Он был очень сдержанным в первые годы, а потом, по-моему, немного зазнался. Зазнался. Я всегда был такого мнения. Для людей такого масштаба это как раз очень нежелательно.

01.11.1977, 01.07.1979

Сталин говорил: «Правду охраняют батальоны лжи».

17.08.1971

КИРОВ

— У меня вопрос по XVII съезду партии. Правда ли, что Сталин на выборах в ЦК получил меньше голосов, чем Киров?

— Нет. А насколько меньше голосов он собрал, не говорят? Я не помню, рассказывал вам? У меня в памяти хорошо осталось. Имеет к этому отношение не прямое, но поясняет дело. Не скажу даже, на каком съезде, но помню, что когда на закрытом заседании оглашались результаты выборов в Центральный Комитет, то только один не получил черных шаров — единогласно

проходил Пятницкий. Почему? Потому что он работал в Коминтерне, никому там не мешал. Он был секретарь Коминтерна. Он не получил ни одного шара против. А все остальные некоторое количество шаров получили. Наверно, и Сталин получил два-три шарика против, как и я получил.

— А вы не узнавали, кто против?

— Зачем же узнавать? Это все-таки партия, а не какой-то сыскной дом. И какое это имеет значение? Я уж уверен, что Сталин один-два голоса каждый раз получал против. Вообще в любые годы. Всегда были противники.

Я допускаю, что Киров не получил против ни одного голоса, допускаю. Но такого случая не помню, за исключением Пятницкого, теперь его никто не знает и не интересуется им.

На XVII съезде была такая группа.

— Там были такие, довольно видные для того времени работники, — продолжает Молотов, — он назвал фамилии, но я не всех запомнил. Вот Шеболдаев, вот Оганесов, Мирзоян был секретарем Казахского крайкома в это время, а до того был на Урале секретарем, в Армении секретарем. «И мы, говорит, где-то в зале во время перерыва выбрали место, вызвали Кирова на это совещание и говорим, что вот хотим его выдвигать Генеральным секретарем. И он нас высмеял, изругал: «Что вы глупости говорите! Какой я генеральный?»

Это были такие, качающиеся. Но это абсурд. Ну, конечно, в партии я был и руководящие кадры того времени знаю хорошо. Неподходящий он человек как руководитель такого ранга. Как один из нескольких секретарей он прекрасно на массовых митингах выступал, а это совсем не то. Киров все выложил Сталину. Рассказывал подробно. Как Киров к этому отнесся, я считаю, правильно.

— Вот и говорят, что Сталин потом расправился с этими людьми.

— Нет, он расправился потом с большим кругом людей, в том числе и эти попали, но это второстепенный вопрос.

— И Кирову вроде бы не простили, что тот пользовался бóльшим авторитетом, чем Сталин.

— Абсурд! — твердо говорит Молотов. — Вы возьмите стенограммы съездов — кто бóльшим авторитетом пользовался — Киров или Сталин, возьмите сборник статей, речей Кирова, ну

что там? «Трудно представить себе фигуру гиганта, каким является Сталин», — цитирую по памяти, а это говорил Киров. Но где там есть политические указания руководящего характера?

Он не претендует. Он другого типа человек.

— Возьмем 1917 год. Сталин всегда рядом с Лениным был?

— Ну, конечно, — отвечает Молотов.

— Я недавно читал, Брестский договор Ленин и Сталин ночью писали вместе?

— Вполне возможно. А Кирова в 1917 году нигде в аппарате не найдете. А это имело большое значение. Сидел в провинциальной газете... И то, что хотели Кирова назначить, это абсурд! Это говорит о кругозоре этих людей. Мелкие люди! И Киров их высмеял!

— Некоторые считают великим несчастьем для партии то, что Киров не стал в то время Генеральным секретарем.

— Кто так говорит, пусть скажет, а что есть ценного с точки зрения политического руководства у Кирова? Пускай назовут его мысли, которые бы отличались какой-то ценностью, полезностью, — нигде! Не просто оригинальностью, а чем-то бы отличались от того, что Сталин говорил, или что-то такое новое давали? — говорит Молотов.

— Когда расправились с троцкистами, кто больше Сталина сделал, кто «Вопросы ленинизма» написал? — спрашивает Шота Иванович.

— Дело не в этом, — говорю я. — Считают, что Киров был более гуманным. И второе. Если бы в 1937 году осуществился дворцовый переворот, поставили бы во главе страны таких умных людей, как Тухачевский, они бы справились и со страной, и с фашизмом...

— Ну, хорошо, если вы говорите, что Киров лучше, что вы знаете о Кирове, что он сделал? А о Сталине известно, есть у него произведения, статьи, и где он работал, знаем. Ну а Киров? Он вообще в ЦК не работал.

В конце XVII съезда мы сидели в своей компании, в комнате президиума, и Сталин говорит Кирову: «Теперь тебе пора переходить на работу в Москву».

Я поддержал Сталина: «Да, правильно». Киров так на меня набросился: «Да что ты говоришь! Да я здесь не гожусь, да я в Ленинграде не хуже тебя могу, а здесь что я смогу?» Ругался последними словами, очень боялся, что его могут перевести.

Он массовик, такие люди тоже очень нужны. В определенных случаях он был даже нужнее других людей, на своем месте. А вот на более крупное он не в состоянии.

Теоретически не подготовлен. И крепости такой не было. Ведь это же ломать государство и готовить к войне, это, знаете...

— Как вы узнали о смерти Кирова? — об этом я спрашивал Молотова в разные годы много раз.

— Я был в кабинете у Сталина, когда позвонил Медведь, начальник Ленинградского ОГПУ, и сказал, что сегодня в Смольном убит товарищ Сергей. Сталин сказал в трубку: «Шляпы!»

В тот же вечер мы поехали в Ленинград — Сталин, Ворошилов и я. Говорили с убийцей Кирова Николаевым.

Замухрышистого вида, исключен из партии. Сказал, что убил сознательно, на идеологической основе. Зиновьевец. Думаю, что женщины там ни при чем. Сталин в Смольном допрашивал Николаева.

— Что из себя представлял Николаев?

— Обыкновенный человек. Служащий. Невысокий. Тощенький... Я думаю, он чем-то был, видимо, обозлен, исключен из партии, обиженный такой. И его использовали зиновьевцы. Вероятно, не настоящий зиновьевец и не настоящий троцкист.

— Осужден был не один Николаев, а целый список, — говорю я.

— Дело в том, что не за покушение они были осуждены, а за то, что участвовали в зиновьевской организации. А прямого документа, насколько я помню, что это было по решению зиновьевской группы, не было.

Поэтому он как бы отдельно выступал, но по своему прошлому он был зиновьевец.

*11.06.1970, 28.07.1971, 13.06.1974,
28.04.1976, 01.07.1979, 06.03.1981,
09.12.1982*

— Создана легенда, живучая, что Киров мог быть на месте Сталина. А где его теоретические труды? — говорит Молотов.

— Но тогда все были практики, не обязательно было иметь теоретические труды!

— Неправильно. Киров был больше агитатор. Как организатор он слаб. Вокруг него были и правые нередко. Он в этом не

очень хорошо разбирался. Вторым секретарем у него был Чудов. А это правый человек. Он потом, конечно, погорел.

О Кирове ни слова не было известно до 1917 года в широких кругах. Коммунист, но не активный. Ему нужна трибуна, а тогда трибуны не было. Потом показал себя, что умеет подойти к массе, к рабочим, а в реакционное время он малоактивным был. Писал какие-то статейки в одной из местных либеральных буржуазных газет. А трибуны у него с 1906 по 1917 год не было.

— Но легенда прочная о Кирове, что он должен был быть Генеральным секретарем вместо Сталина.

Однако Киров не та личность, которая могла бы?

— Да нет (с усмешкой), он и сам на первого не претендовал ни в какой мере. Он мог работать, но не на первых ролях. Первым его бы и не признали, я прямо вам могу сказать, особенно ответработники...

— Говорят: какой-то грузин правил Россией...

— Тут еще есть такой момент, что Сталин, как грузин, ино-родец, мог позволить себе такие вещи в защиту русского народа, на какие на его месте русский руководитель не решился бы, — утверждает Молотов.

15.08.1972, 07.11.1979

— Киров слабый организатор. Он хороший массовик. И мы относились к нему хорошо. Сталин его любил. Я говорю, что он был самым любимым у Сталина. То, что Хрущев бросил тень на Сталина, будто бы тот убил Кирова, — это гнусность. Мы дружили с Кировым. Так, как к Кирову, Сталин на моей памяти относился потом только, пожалуй, к Жданову. После Кирова он больше всех любил Жданова.

— А в народе ходит...

— Еще бы не ходит! Обиженных много, а вот кто обижен в этой драке — у-у-у!

— Боялся, говорят, Сталин, что его могут заменить Кировым.

— Абсурд! Что ему бояться Кирова? Не-е-е-ет. Тут, знаете, красивые речи на второй план. Не пройдешь. Надо либо иметь особенно выдающуюся личность, либо очень хорошую группу. Вот как Хрущев. Он сколотил себе группу. Потому что все хотели передышки, полегче пожить. А по-сталински — надо было дальше держать крепко руль.